

Читайте книги Стефани Гарбер:

КАРАВАЛЬ

ЛЕГЕНДО

ФИНАЛ

ОДНАЖДЫ РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ
БАЛЛАДА О ПРОКЛЯТОЙ ЛЮБВИ
ЗАКЛЯТИЕ ИСТИННОЙ ЛЮБВИ

АЛХИМИЯ СЕКРЕТОВ

Продолжение следует...

СТЕФАНИ
ГАРБЕР

АЛХИМИЯ
СЕКРЕТОВ

Freedom

МОСКВА
2026

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г20

ALCHEMY OF SECRETS.

Copyright © 2025 by Stephanie Garber.

All rights reserved. Printed in the United States of America.

Иллюстрация на обложке *inlunaveritas*

Дизайн обложки *пинч*

Макет А. Шороховой

Гарбер, Стефани.

Г20 Алхимия секретов / Стефани Гарбер ; [перевод с английского Я. Хусаеновой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-237847-8

Холланд Сент-Джеймс всегда верила, что в городских легендах скрыта доля правды. Особенно в тех, о которых рассказывала Профессор на таинственном курсе «Фольклор 517», не существующем ни в одном из расписаний.

Когда Холланд находит одного из героев легенд — Часовщика, способного назвать точный час смерти, её мир рушится. Он говорит, что девушка умрёт ровно в полночь завтрашнего дня, если не отыщет древний артефакт — Сердце Алхимика.

С каждым часом Холланд всё глубже погружается в тайный Лос-Анджелес, где мифы прячутся за неоновыми вывесками, а у каждой сделки есть цена. На пути девушки появляется притягательный незнакомец, утверждающий, что его прислала её сестра, чтобы помочь, — мужчина, которому нельзя доверять, но без которого ей не выжить.

В мире, где все лгут и ни на кого нельзя положиться, Холланд придется понять, кому можно доверять. Потому что даже Сердце Алхимика может оказаться бессильным.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Хусаенова Я., перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», оформление, 2026

ISBN 978-5-04-237847-8

A decorative border framing the text. It consists of four corners, each with a four-pointed star and a curved line. The top and bottom edges feature a central crescent moon with a vertical line extending from its center. The left and right edges are simple vertical lines with small horizontal dashes at the top and bottom.

ФОЛЬКЛОР 517

Папе.

*Ты просил не посвящать эту книгу тебе,
но я все равно это сделала.*

Люблю тебя!

Все началось с шепота, который вы слышали, пока стояли в очереди в кафе; с истории, которую, вероятно, следовало бы проигнорировать. Но слова засели в голове, как навязчивая мелодия, терзали, как неразгаданная тайна. Пока наконец не привели вас сюда: на парковку, явно не подчиняющуюся прогнозу погоды.

Метеорологи предсказали, что вечер выдастся безоблачным, поэтому будут видны звезды. Тем не менее вы чувствуете, как дождь бьет по пальцам ног, пока несетесь в сандалиях по дорожке. Капли хлещут нетерпеливым потоком. Уличные фонари мерцают, отмечая сбивчивый ритм ваших шагов.

Вы не запыхались, но все равно замедляетесь, пока наконец не останавливаетесь под навесом. Красные печатные буквы надписи «СКОРО В ПРОКАТЕ» отбрасывают неоновые тени на старую будку билетера, увешанную выцветшими афишами уже показанных фильмов. На одном плакате поблекшей желтой краской написано «Вероника Лейк»¹,

¹ Вероника Лейк — американская актриса. Родилась 14 ноября 1922 года. (Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.)

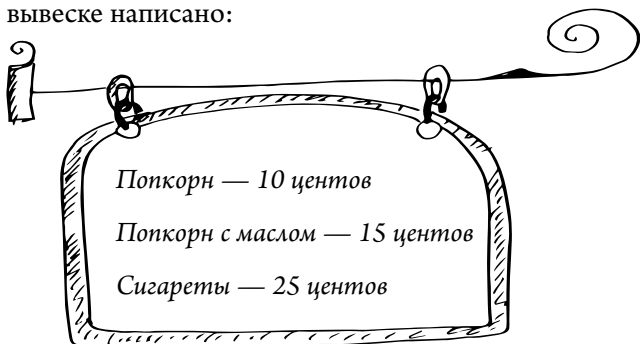

с другого же, черно-белого, вам улыбается Лоретта Янг¹. Ее плакат посвящен «Незабываемой ночи»², и вы надеетесь, что сегодняшняя станет именно такой.

Вы не уверены, правдивы ли истории, но, зайдя в вестибюль, как будто даже хотите провалиться в кроличью дыру.

Охватившее вас волнение придает всему дополнительный лоск. Справа находится ряд сверкающих таксофонов в аккуратных деревянных или стеклянных кабинках. Вы никогда не видели, чтобы их было так много в одном месте. Вас так и подмывает сделать фото, но вы передумываете. Ничего не вышло бы, даже если бы вы захотели. Хоть вы об этом и не знаете, но к настоящему моменту сотовый уже не работает. Внезапно ваше внимание привлекает старинный торговый павильон слева: покрывающая его пыль будто пропитана ностальгией. Настолько, что вы едва замечаете, как облупилась золотая краска, образующая обрамление в стиле ар-деко из геометрических солнц и прыгающих дельфинов.

На вывеске написано:

¹ Лоретта Янг — американская актриса, обладательница премии «Оскар» за лучшую женскую роль в 1948 году.

² «Незабываемая ночь» (A Night to Remember) — фильм-детектив 1942 года.

Вы не знали, что раньше в кинотеатрах продавали сигареты, но на мгновение чувствуете запах дыма и попкорна. Даже почти ощущаете вкус сливочного масла. Однако вы не задерживаетесь в вестибюле. Есть только один зал — только один сеанс, — который вы хотите посетить, так что вы направляетесь прямо туда.

В груди становится тесно. Ваше сердце бешено колотится. Вы все еще надеетесь наткнуться на кроличью нору, которая перенесет вас в другой мир. Ваши глаза сияют, и, проходя через двойные двери, вы полны оптимизма, точно слишком светлый, передержанный снимок.

Здесь по-прежнему пахнет дымом, попкорном и чем-то еще. Возможно, старым бархатом с нотками земли после дождя. Этот запах побуждает в вас мысли о цветных снах, пока вы вытягиваете шею, чтобы полюбоваться невероятно высоким потолком из слоновой кости и позолоты. Он покрыт узорами в стиле ар-деко, которые напоминают круг знаков зодиака.

Часть мест под изысканным куполом уже занята. Двадцать пять? Может, пятьдесят? Вы слишком взволнованы, чтобы назвать точное число, устраиваетесь в конце зала. Потертый бархат раскачивающегося кресла мягок, но вам кажется, что оно расположено слишком далеко от сцены.

Вы решаете пересесть поближе, украдкой поглядывая на остальных. Вам хочется удостовериться, нет ли среди них знакомых. Но, учитывая, как мало людей вы знаете в колледже, неудивительно, что лица присутствующих ни о чем вам не говорят. Кто-то шепчется, кто-то хихикает, а кто-то, как вы, молчит, но всех связывает общая нить: ожидание.

Вот оно. Темно-розовый занавес раздвигается, и вы задерживаете дыхание.

«Просим джентльменов снять шляпы», — мелькает надпись на серебряном экране.

Затем ее сменяет другой слайд: «Свистеть и громко разговаривать запрещается».

Понятное дело, это вызывает несколько свистков, но затем все стихает. Когда изображение исчезает с экрана, в его правом верхнем углу появляется крошечная звездочка. Она мигает раз-другой, и в кинотеатре гаснет свет.

На улице темнее, чем ночью. Вы слышите, как люди достают телефоны, но ни один из них, как и ваш, не работает. Ни сигнала, ни света, ни цифровых часов, способных показать, сколько прошло времени.

Вы не знаете, как долго сидите, прежде чем слышите, как уходит первый человек. Он решил, что это занятие — если его вообще можно назвать занятием — не для него. За ним удаляются еще несколько.

Вы ненавидите себя за желание сделать то же самое.

Капли дождя на ваших ногах высохли, но кожу покалывает от холода. Вам кажется, что за вами наблюдают, хотя вокруг слишком темно, чтобы что-то увидеть.

Проходит еще немного времени, и вы вспоминаете истории, которые слышали, — слухи и перешептывания об очень специфическом курсе, который нельзя найти онлайн, который ведет профессор, не отмеченный ни на одном веб-сайте. Неожиданно вы осознаете, что на то есть веская причина. Понимаете, что, возможно, стоит уйти. Думаете...

На сцене вспыхивает свет: крошечный, но он все же застает вас врасплох. На мгновение вы закрываете глаза, а когда ваше зрение проясняется, она уже здесь.

Сидит на деревянном стуле в центре сцены.

Вы не знаете, как долго она там была, но создается впечатление, что она ждала несколько часов, как и те два

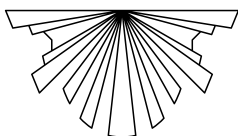

десятка человек, которые остались. Она ниже, чем вы себе представляли. Люди всегда рассказывали о ней как о ком-то высоком, статном, создающем впечатление. Однако она похожа на чью-то бабушку. Коротко подстриженные серебристые волосы обрамляют круглое, по-видимому редко улыбающееся лицо, и она произносит слова, которые заставляют вас почувствовать, что холод, сырость и ожидание того стоили.

— Вы здесь из-за истории, — начинает она. — Так позвольте мне рассказать вам одну.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Холланд Сент-Джеймс считала минуты до сегодняшнего вечера. Она перемерила семь платьев, сменила пять пар обуви, завила волосы и даже накрасила глаза. И вот теперь она собиралась все испортить.

— Я думал, мы собирались поесть мороженого? — любезно спросил Джейк. Потому что Джейк, возможно, был самым любезным парнем, с которым Холланд встречалась.

Когда пару недель назад Джейк впервые заглянул в кофейню «Санта-Моника», Холланд подумала, что он настоящий красавчик. В очках в темной оправе, которые всегда были ее личным криптонитом, Джейк больше походил на Кларка Кента, чем на Супермена. Они столкнулись, и он пролил свой холодный кофе. Холланд же заметила учебники, которые Джейк держал в руках: он учился в аспирантуре на преподавателя английского.

На их первом свидании она узнала, что он также занимался волонтерством в лос-анджелесской организации по спасению животных, а также в магазине, посвященном путешествиям во времени в Эхо-Парке¹, — некоммерческой ор-

¹ Э х о - П а р к — район в Лос-Анджелесе.

ганизации, помогавшей детям в написании рассказов. На их втором свидании она узнала, что Джейк недавно стал вегетарианцем и начал ездить на велосипеде, потому что хотел сделать все возможное для защиты окружающей среды.

Джейк оказался по-настоящему хорошим парнем.

Какая-то крошечная часть Холланд считала, что он слишком идеален, как электронное письмо без опечатки или нарисованная аэрографом картина, которой недоставало лишней черточки. Но, возможно, Холланд искала тревожные знаки, которых не существовало.

Это было всего лишь их третье свидание, но за последние два года Холланд не удавалось продвинуться с кем-либо до четвертого. Она действительно не хотела все испортить и боялась, что, возможно, уже сделала это: когда несколько минут назад, увидев плакат, который навел ее на мысль об одной из историй Профессора, не удержалась и потащила Джейка в грязный переулок.

Приклеенный к цементной стене плакат напоминал те винтажные распечатки, которые могли бы украшать одну из деревянных открыток, продававшихся на пирсе Санта-Моники. Выгоревшие на солнце коричнево-зеленые пальмы обрамляли изображенный углем силуэт смотрящего на часы мужчины в фетровой шляпе. На плакате не было ни логотипов, ни названий брендов. На самом деле на нем не было ни слова, чтобы определить, что именно продавалось. Лишь буква «Ч» на запонках безликого мужчины.

Часовщик.

Это была первая мысль, которая пришла Холланд в голову, прежде чем она повела Джейка по переулку. Она просто не могла противиться соблазну.

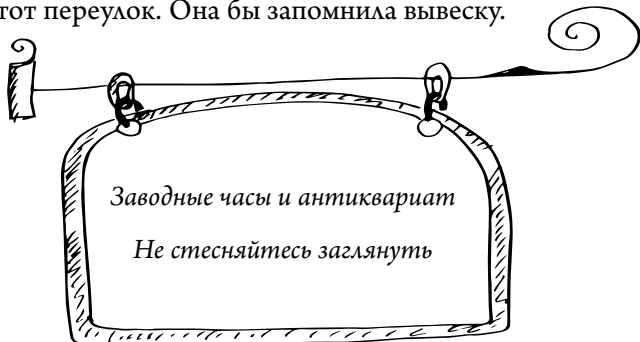
Холланд выросла с отцом, который постоянно устраивал охоту за сокровищами. С ранних лет она училась нахо-

дить подсказки, пока другие дети играли в кубики или заводили друзей. Возможно, именно поэтому Холланд постоянно чувствовала себя не на своем месте, пока не попала на занятия Профессора по фольклору. Ее рассказы заставили Холланд ощутить себя так, словно она снова искала спрятанные отцом сокровища.

На самом деле этим вечером она не надеялась что-либо обнаружить. Много в Лос-Анджелесе напоминало ей об историях Профессора, а Холланд всегда чувствовала себя обязанной мчаться за ними. Она постоянно петляла по переулкам, которые, готова была поклясться, никогда раньше не видела, чтобы после наткнуться на бар, кофейню или книжный магазин, в которых уже бывала.

Только не сегодня. Холланд знала, что никогда не замечала этот переулок. Она бы запомнила вывеску.

Она висела на блестящем медном крючке у двери, которая, как хотелось верить Холланд, была старинной, а возможно, просто грязной. Одного взгляда на Джейка оказалось достаточно, чтобы понять — он склонялся к последнему. Возможно, он также размышлял, почему согласился пойти на это свидание. Холланд хотелось переубедить его, но при этом ей хотелось войти внутрь и убедить Джейка составить ей компанию.

— Тебе нравятся городские мифы? — спросила она.

— Да... Даже очень. — Теперь Джейк одарил ее улыбкой, которая больше подходила Супермену, чем Кларку Кенту. Холланд снова почувствовала искорку надежды, что движется в правильном направлении.

И все же... она заколебалась.

У Профессора было правило, которое никто не нарушал, — не делиться ее историями с посторонними. Курс требовал слишком больших усилий, чтобы потом студенты рассказывали обо всем бесплатно. К тому же Профессор всегда предупреждала, что это может привести к серьезным последствиям. Только Холланд больше не изучала курс «Фольклор 517», да и речь шла о всего лишь одной истории. Однако...

— Прежде чем я скажу что-нибудь еще, — тихо начала она, — поклянись своим велосипедом, или жизнью своей собаки, или тем комнатным растением, которое ты так усердно выращивал, что ты никому не расскажешь.

Улыбка Джейка стала шире.

— Клянусь. — Он наклонился и, словно скрепляя обещание, легонько поцеловал ее в губы. — Это что-то вроде семейной тайны?

Холланд замерла.

Она напомнила себе, что Джейк вырос в большой семье, члены которой всегда звонили ему и делились даже самыми обыденными подробностями того, как прошел их день. Разговоры о семье были для Джейка обычным делом. Он не пытался что-либо разузнать.

Тем не менее ей потребовалось несколько секунд, чтобы улыбнуться — игриво, как она надеялась.

— Это не семейная тайна, но мне не следует об этом говорить. На старших курсах я посещала занятия «Фольк-

